

Зарево Червоной Гуты

Гутник Н.П. с учениками Славутичской школы №3

Каждый народ гордится победами, одержанными в борьбе за свободу и независимость Родины, и свято чтит память утрат, понесенных во имя этих побед. У французов есть Орудар-сюр-Глан, у чехов – Лидице, у белорусов – Хатынь, уничтоженные в годы войны вместе с их жителями. Недалеко от Славутича есть села, которые постигла такая же участь – Ведильцы, Глядин, Червона Гута, Кувечичи. Всего же за время оккупации (с сентября 1941 по сентябрь 1943 года) на Черниговщине было сожжено 22 населенных пункта!

23 февраля 1943 года трагическая судьба постигла Червоную Гуту – небольшое полесское село, которое расположено недалеко от железнодорожного разъезда Нерафа (сейчас станция Славутич).

Зимой 1943 года бойцы партизанского отряда им. Коцюбинского остановили на разъезде Нерафа грузовой поезд, который следовал со станции Неданчицы в Чернигов. В вагонах находился торф. Партизаны убили немецкого офицера Вилли (но, по рассказам жителей, в том числе и партизана Михаила Ивановича Прокопенко, Вилли застрелился сам, так как думал, что партизаны будут его мучить). Также случайно погиб шестнадцатилетний юноша Иван Федосович Ивасенко. Через некоторое время грузовой поезд без машиниста отправили на станцию Неданчицы. Проехав станцию, поезд упал под откос, так как от взорванного железнодорожного моста путь был разобран.

Немецкие следователи узнали про деяния партизан. Для запугивания жителей было постановлено: за одного убитого немецкого солдата расстреливать 10 человек, а за офицера – 100. Местные полицейские предупредили односельчан Червоной Гуты, Комаровки и Неданчицы, что будут проведены карательные меры. Конкретно никто не знал, какой населенный пункт подвергнут наказанию. Некоторые жители уходили к своим родственникам, а некоторые выкапывали землянки в лесу и жили в них какое-то время.

23 февраля из Чернигова в Неданчицы поездом приехали каратели. Они собрали из окружающих сел полицейских и на подводах направились в Червоную Гуту. Жители села занимались своими обычными хозяйственными делами. Человек десять мужчин и подростков уехали на днепровские луга за сеном.

Анастасия Михайловна КОВАЛЕНКО рассказала:

– В этот день в одной хате собрались женщины и пряли нитки. Зашел офицер и спросил, где живет староста села. Женщины почувствовали беду. Когда вышли из хаты, увидели, что село оцеплено солдатами и полицейскими, по направлению дорог на Неданчицы,

Мекшуновку, Комаровку и Нерафу установлены пулеметы. По сигналу немецкого офицера каратели начали сгонять людей в омшаник (сарай, где зимой стоят ульи), который потом закрыли и подожгли. Семьи полицейских не наказывали. Я упростила одного немецкого офицера, чтобы поставил меня среди полицейских семей. Так и осталась живой. Староста села был убит и сожжен.

Семья Сибирских (мать Марфа с тремя детьми – Николаем, Ульяной и Марией) хотели спрятаться в лесу. Но пройти оцепление не удалось. Полицейские привели их в село и в сарае расстреляли, а строение подожгли. Но случилось чудо: Мария получила шесть пуль и ушла без сознания, через некоторое очнулась и зашевелилась. Полицейский услышал шорох и хотел проверить. Но другой его остановил, сказал: «Тебе показалось».

Мария снова потеряла сознание. Горящая крыша строения начала падать. Мария вовремя очнулась, выползла из сарая и хотела спрятаться в погреб. Полицейские заметили ее. Прогрели выстрелы. Девочка получила седьмое ранение и вновь потеряла сознание.

После того, как каратели уехали в Мекшуновку, с днепровского луга приехал отец. Он нашел полуживую дочь и отвез в Редьковскую больницу.

(Мария Яковлевна не хотела мне рассказывать о случившемся. Она носила в себе эту страшную боль с десятилетнего возраста. Но часа через два все-таки разговорилась. Под конец беседы она сказала: «Если поставить в ряд сто мужчин и среди них полицейских-карателей, которые стреляли в сарае, я без промедления указала бы на них. Я помню лица палачей по сегодняшний день»).

(Марии Яковлевне еще раз Бог подарил жизнь в июне 2011 года. Над с. Глядин, где сейчас живет она, прошла гроза. Молния ударило в дерево, погибла собака, повывлетали стекла в избе, погорела вся электропроводка. Мария Яковлевна в момент удара молнии находилась в сенях и это спасло ей жизнь).

Тех, кто прятался на чердаках, в погребках и других местах, убивали на месте. Дома и хозяйственные постройки поджигали.

Как ни старались каратели не оставлять свидетелей, но судьба была благосклонна к **Наталии Петровне ГУТНИК**. Наталия Петровна, услышав выстрелы, связала узел (собранный и завязанный в большой платок одежду, продукты питания). Выбежала из дома и услышала, как ее подзывает свекровь. Побежала к выкопанному и замаскированному окопчику, где сидела свекровь. Не добежав пяти-шести шагов, споткнулась. Узел выпал из ее рук. Некогда было его подбирать. Девушка быстро залезла в окопчик. Полицейские, не дойдя до

окопа, нашли узел и начали делить между собой содержимое. Это отвлекло их внимание от поисков.

Наталия вспоминала: «Когда сидела в окопчике, слышала ужасные крики горевших в омшанике людей. От страха у меня застыла в жилах кровь и волосы поднялись дыбом. Оцепенела так, что если бы даже полицейские обнаружили и приказали встать, то не смогла бы».

Свидетельница трагедии **Ольга Афанасьевна МЕКШУН** осталась живой случайно. Когда горело село, валил густой дым, накрывая все кругом. Благодаря этому дыму, пригнувшись к земле, она и вышла из оцепления карателей и полицейских.

После расправы над мирными жителями осталось пепелище. Осиротели люди. У тех, кого коснулась эта трагедия, на всю жизнь остались в душе страшные незаживающие раны.

По архивным данным, заживо сожжено и расстреляно 104 человека, из них 37 мужчин и 67 женщин. Самому младшему было всего один годик, самому старшему – 73 года (ГАЧО Ф. – Р. 3013, оп.1, д.31, л.12).

(Записано в 1980 году)

ТАКОЕ ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ НИКОГДА!
Николай Павлович КРУТОУС (родился в 1932 г. в с. Ведильцы Черниговского (Михайло-Коцюбинского) района):

«Полицейские завели меня с матерью в хату, где собралось человек 25. Взрослые скамейками выбили рамы окон. Они догадывались или знали, что будут сжигать живьем и надеялись, что, может быть, хоть кто-то выскочит через окно и спасется».

Полицейские начали по несколько человек выводить на расстрел. Пришла наша очередь. Вывели меня с мамой. В сарае уже лежали убитые, которых вывели раньше. Приказали лечь на землю лицом вниз. Полицейские стреляли из пистолета в затылок. Сначала выстрелили в мать, затем в меня. От выстрела шапка с моей головы отлетела в сторону, осталась одна подкладка. В глазах потемнело: то ли потерял сознание, то ли оглушило. На некоторое время чувство жизни покинуло меня. Полицейский, наверное, подумал, что вылетели мои мозги и что я уже мертв, поэтому повторного выстрела не последовало. Когда расправа закончилась, подожгли сарай. Я вылез из-под трупов, потрогал пальцами голову мамы (пальцы рук провалились в черепную коробку). Выбрался из сарая, спрятался в жердях. Село горело, запах гари (сгоревших людей и дыма) не давал дышать. Покинул это убежище, спустился к реке Пакулька. По земле стелился густой дым. Я побежал по берегу из горящего села. Так и остался живым».

Марфа Яковлевна КРУТОУС (ШИРАЙ) (родилась в 1925 г. в с. Ведильцы):

«Когда приехали каратели, я с братом **Николаем** побежала в лес, а мама с братиком **Мишей**, который был совсем маленьким и его приходилось носить на руках, спрятались в заранее выкопанном в укромном месте окопчике. Я их звала в лес, но мама не хотела идти с нами. Несколько раз я приходила с братом к окопчику, чтобы поговорить с матерью. Когда началась расправа над мирными жителями, я находилась в лесу. В душе было предчувствие беды».

Каратели уехали. Село продолжало гореть. Горели дома и хозяйственные строения. На улицах лежали убитые односельчане. Я побежала к окопчику. Возле окопа лежал убитый мальчик. Стала звать маму, но оклика не услышала.

Заглянула в окоп и увидела трупы. Возможно, они были расстреляны карателями из автомата или же погибли от разрыва гранаты. Я боялась трупов, поэтому внимательно не стала их рассматривать. Больше матери с братом я никогда не видела».

Екатерина Андреевна МУЗЫЧЕНКО, 1931 г.р., с. Ведильцы:

«Мне было десять лет, когда фашисты пришли в наше село. По сегодняшний день помню, как каратели и полицейские жестоко расправлялись с мирными жителями за то, что хотя бы кто-то из родственников был партизаном или имел связь с партизанским отрядом. Они расстреливали моих односельчан, сжигали их дома и хозяйственные постройки».

В начале войны моего отца призывали в армию. Выходя из окружения, он попал в плен. Из лагеря был отправлен домой. Он говорил маме: «Не дай Бог попасть в руки карателей». В феврале 1943 года под предлогом выполнения работ полицейские собрали около 30 мужчин, завели в конюшню и сожгли заживо. Среди них был сожжен и мой отец, **Андрей Петрович Цындюк**. Так я осталась полусиротой.

Когда мужчин загоняли в хату, один юноша ... (имени не помню) **Васильевич Махина** сопротивлялся, а потом побежал. Каратели стреляли в него, но никак не могли попасть. Полицейский положил винтовку на жердь, долго целился и все-таки убил парнишку».

На вторую расправу (1 мая 1943 года) приехало много полицейских и немцев. Они жили в школе. Поначалу никого не трогали, только ходили по селу и говорили: «Не бойтесь, идите по домам, трогать никого не будем». Те, кто прятался в укромных местах, возвращались домой».

Я, сестра **Евдокия** и мать **Матрена Артемовна** прятались в погребке. Полицейские нас там обнаружили и приказали возвратиться в дом».

Через три дня фашисты оцепили село, а на высоких домах и мельницах поставили пулеметы. Подожгли дома. Выбегавших из домов жителей, независимо от пола и возраста, убивали из пулеметов и винтовок, кололи штыками и кинжалами. Многие пытались убежать в лес, но зачастую их настигали фашистские пули. Не оставляли в живых и тех, кто прятался в окопчиках, погребках и других укрытиях. Некоторые люди, прячась в укромных местах, не пускали туда женщин с малолетними детьми, чтобы плачущий ребенок не выдал местонахождение. Ребенка клали в большую корзину или в бочку и оставляли метрах в 30–50 от укрытия».

Наша семья побежала из горящего села через овраг. К нам присоединился мальчик – **Коля Блажкун**. Мать в суматохе успела надеть ему обувь только на одну ногу. Так он и бежал полуобутый. Выбежали из оцепленного села незамеченными благодаря стелившемуся дыму. Увидели окоп, в котором находилась семья **Наталии Шевченко** с двумя детьми. Залезли к ним и все вместе просидели там до вечера. Нас обнаружил партизан и привел в дом на окраине леса, где уже находилось много людей. Ночью спали кто на лавках, кто на полу, а на день уходили в лес. Полицейские и каратели не решались близко подходить к лесу, опасаясь мести партизан».

Во время расправы родители моего будущего мужа прятались в мельнице. Когда полицейские обна-

ружили, мать убили и сожгли в мельнице. Отец пытался спастись бегством, но полицейский догнал его и тяжело ранил. Спустя несколько часов в больших мучениях он умер от потери крови».

Те, кто остался в живых после расправы карателей, хоронили погибших. А перезахоранивали их уже после войны».

Тяжело вспоминать пережитое. Языки пламени, выстрелы, жестокие лица палачей, крики перепуганных людей, детский плач, безумно метающиеся люди и животные, запах сгоревших трупов... Все это даже через много прошедших лет болит в моем сердце незаживающей раной».

(Воспоминания записаны со слов в 2003 году)

Владимир Иванович ЛАНЬКО (родился в 1926 г. в с. Кувечичи Черниговского р-на Черниговской обл.):

«...Вечером карательный отряд остановился на ночлег в с. Довжик. Отряд охраняли полицейские».

Староста с. Кувечичи **Пережестюк** имел связь с партизанами, сообщил о составе отряда. Для беспрепятственного продвижения карателей был условный сигнал – два выстрела вверх. Полицейский, имевший связь с партизанами, дал сигнал, что путь свободен. Карательный отряд без опасения въехал в с. Кувечичи».

В этом населенном пункте партизаны сделали засаду. Первую машину карателей остановили и взяли в плен двух немецких офицеров и шофера. Позже их расстреляли в лесу. Практически весь отряд карателей был уничтожен. Лишь одной машине удалось развернуться и выехать из-под обстрела».

Через некоторое время над селом появился самолет, который из пулемета обстреливал окрестности, не давая возможность выйти жителям из села».

Мой дед вздыхал и скорбно говорил, что нужно уходить. Я запряг волов. Отец предложил побегать. Когда кушали, из окна я увидел немцев в огороде. Отец приказал мне бежать в сторону с. Павловка, а сам начал открывать ворота для волов. С тех пор я никого из своих родных не видел».

Я добежал до бугра и оглянулся. Меня догнала легковая машина (без тента), в которой находились два полицейские. В кузове лежали автоматы. Полицейский строго спросил меня, почему я не мог раньше уйти из села и приказал возвращаться. Но я еще с двумя односельчанами побежал в сторону села **Тамаровка**. Там мы просидели в кустах до вечера. Потом пошли в с. Павловку. В селе не было ни одной души, жители видели зарево пожаров над Кувечичами, ушли подальше от карателей. Переспали там, в пустующем доме, а утром я решил вернуться домой, узнать о судьбе родителей. Вокруг тлели пепелища, лежали трупы людей. В сгоревшем сарае я увидел останки своего отца. Определил его по ключам, которые лежали рядом с ним. Случайно встретил соседа на улице, который сказал: «Беги, Володя! Вчера не убили, так сегодня убьют!» И я снова пошел прятаться в заросли».

Через несколько дней приехали на машинах мадьяры, собрали оставшихся в живых жителей села. Женщин отпустили, а 12 мужчин посадили в машину и отвезли в село **Антоновичи**, где и сожгли их в сарае».

(Записано со слов в 2003 году)

СПРАВКА

В селе Кувечичи 6 февраля 1943 года карательный отряд лишил жизни 174 человека.